

УДК 81'1

ББК 81.2-5

С49

Л. В. Слуднева
Иркутск, Россия

**СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ В УСЛОВИЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ
ТРИАДЫ: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**
(на материале русского и английского языков)

В статье рассматриваются некоторые механизмы вербального и невербального поведения говорящего, направленные на исключение из коммуникации т.н. «незапланированных» её участников. Основное внимание уделяется эпистемическому, обусловленному общим опытом отправителя сообщения и адресного получателя, аспекту понимания скрытых смыслов.

Ключевые слова: скрытые смыслы; коммуникативная триада; адресный получатель; незапланированный участник коммуникации.

L. V. Sludneva
Irkutsk, Russia

**IMPLICIT MEANINGS IN A COMMUNICATIVE TRIADE: EPISTEMIC
ASPECT**

The article deals with some mechanisms of verbal and non-verbal behavior of a speaker aimed at excluding from communication its side participants. The focus is made on epistemic aspect of interpreting and understanding implicit meanings.

Keywords: implicit meanings; communicative triade; proper addressee; side participant of communication.

Современная лингвистическая наука признает тезис о том, что скрытые смыслы есть неотъемлемый атрибут коммуникации на естественном языке. Однако, общепринятое понимание, а также системное описание используемых для их производства лингвистических приемов на сегодняшний день отсутствуют. Следует указать и на то, что в работах разных авторов, в зависимости от исследовательской парадигмы, скрытые смыслы на уровне текста обозначаются разными терминами – «комбинаторные приращения» (Б. А. Ларин), «потенциальный смысл» (М. М. Бахтин), «подтекст» (И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, К. А. Долинин, Н. В. Никитин), «коннотации» (М. Ю. Федосюк, Е. Г. Белявская), «множественность смыслов» (Р. Барт), «эзотерический смысл» (А. А. Богатырев) и пр.

В рамках данной статьи мы принимаем точку зрения А. А. Масленниковой, по мнению которой, к скрытым смыслам следует относить «всякий смысл, вербально не выраженный, ... но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте показателей» [Масленникова, 1998, с. 6]. Подчеркнем, что понимаемый подобным образом феномен скрытых смыслов не ставится в зависимость от степени их осознания всеми участниками коммуникации, и, что более существенно, получателем или получателями вербального сообщения.

Прототипом коммуникативной ситуации, в которой говорящие намеренно создают особые условия интерпретации и понимания сообщаемого, можно считать т. н. коммуникативную триаду, организованную, как минимум, двумя разнородными категориями получателей сообщения. В зависимости от способа участия – «запланированности» или «случайности» адресата для отправителя сообщения категория «адресат» может распадаться на ряд субкатегорий, а именно: «прямой адресат», «косвенный адресат», «подслушивающий», «случайный слушающий». На возможность наличия в ситуации общения «случайных» участников одними из первых указали Г. Кларк и Т. Карлсон [Clark and Carlson, 1982], обозначив последних как слушающих, не входящих в «группу говорящего» («непланируемых участников коммуникации») (Там же). Сказан-

ное свидетельствует о том, что категоризация адресата применительно к рассматриваемым условиям требует иных оснований. Так, термин «адресат» в коммуникативной триаде соответствует тому конкретному получателю, которому то или иное сообщение адресуется непосредственным образом. В связи с этим, подобного рода адресатов далее предлагается обозначать термином «адресный получатель», а «незапланированных» участников коммуникации – реальных (находящихся в пределах наблюдаемости) или виртуальных (например, в ситуации, когда вы опасаетесь, что вас могут подслушивать) – «неадресный получатель». Наличие (реальное или предполагаемое) в ситуации общения неадресных получателей расценивается участниками, входящими в группу говорящего, как, своего рода, коммуникативный барьер, который они стремятся преодолеть. Совокупность механизмов, используемых для достижения указанной цели, можно определить как своего рода «защиту текста»¹ – осознаваемый, контролируемый и совершаемый человеком в своих интересах тип коммуникативного поведения, выражающийся в специфическом способе организации высказывания и предусматривающий создание особых условий его интерпретации и понимания.

Мы делаем акцент на эпистемическом (обусловленном общим опытом отправителя сообщения и адресного получателя) аспекте скрытых смыслов. Роль опыта в функционировании общества в целом и конкретного индивида, в частности, неоднократно освещалась и подчеркивалась в работах М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, Ч. С. Пирса, У. Матураны и пр. В наиболее общем виде рассуждения упомянутых исследователей могут быть сведены к тезису о том, что чем богаче индивидуальный опыт человека, тем более значительные объемы поступающей извне информации он способен воспринимать и интерпретировать, что повышает его возможности взаимодействия со средой.

В когнитивных исследованиях основополагающее значение в том, как человек воспринимает и интерпретирует текстовую информацию, отводится глубинным концептуальным структурам, формирующим индивидуальную картину

¹ термин Волгоградской школы (В. И. Карасик, И. А. Кузнецова).

мира [Караулов, 1987, с. 172–174] или модель мира [Джонсон-Лэрд, 1988, с. 234–257]. По мнению указанных авторов, понять какой-либо текст означает соотнести его со своими знаниями и найти соответствующее им «место» в собственной картине мира.

Наличие у участников коммуникации общих когнитивных схем – спонтанно возникающей «здесь и сейчас» зоны пересечения индивидуальных когнитивных схем (пространств) [Красных, 2003, с. 105] – не только повышает возможности ориентации и понимания вербального сообщения, но и, в ряде случаев, выступает в качестве необходимого условия референции [Clark and Marshal, 1981].

Рассмотрим ряд примеров. В следующем случае расширение возможностей понимания происходит за счет лексемы *old*, интерпретируемой в контексте сказанного как «привычное, известное мне и тому, кому предназначено мое сообщение» = «постигнутое в нашем прошлом опыте»: *'Terrified of being separated from his family, Muhle shouted out to one he recognized on the other side of the cordon, a comrade from the mines. – 'They are taking me. You must tell Nandi that I will see them in the old place'.* (Пребывая в ужасном состоянии из-за разлуки с семьей, Мюлле вдруг узнал одного из стоящих по ту сторону кордона – раньше они вместе работали на шахте. Желая предупредить Нанди (жену) о том, что его взяли в плен, он громко прокричал: «Они уводят меня! Скажи моей семье, что я буду ждать их на старом месте!» [Foden, 1999, p. 39]. Аналогичным образом происходит ориентация слушающих в следующем случае: командиру спецгруппы, выполняющей секретную операцию, предписано не разглашать сведения о местах передислокаций. Перед очередным вылетом на задание всех волнует вопрос о том, куда они летят. Задавать подобные вопросы запрещается инструкцией, однако командир взвода, чувствуя настроение бойцов, говорит: *'... it's going to be cooler where we're going.'* (Туда, куда мы отправляемся на этот раз, будет гораздо прохладнее) [Clancy, 1989, p. 39]. Учитывая то, что каждый из присутствующих знает, в какой именно стране они были в предыдущий раз, новый пункт назначения «вычисляется» как «находящийся

севернее». Следующие ситуации – пример того, как ссылка на содержание совместного опыта (= того, о чем знают и говорящий (пищущий) и «запланированный (ые) адресат(ы) осуществляется через лексему *известный*, значение которой в данном случае интерпретируется следующим образом: «некоторый, подразумеваемый, прямо не называемый, но известный нам обоим»: «...*известный вам человек в прошедший вторник находился во едином месте и доподлинно узнал о бурях и ненастьях, хотящих на все ваши жительства восстати. И та опасность не малая, а отвратить ее ничем не предвидится. Велено по самой скорости то шлее лтики послать, чтоб ониласы но и шель памоц разобрать и которы но мешифни не приписаны, тех шоп шылсах...*». – *Подай, – прервала Манефа ... Разумеешь, друг, тайнописание? – обратилась она к Василью Борисовичу*» [Мельников-Печерский, 1998, с. 130].

«Яхта зайдет в испанские воды и высадит в Кадиксе маленький десант. Дику Милльсу, братьям Бингль и Антони Ченни придется совершить путешествие в Италию. Джордж открыл нам удивительные вещи о происках некоего Кремплоу. – Алекса Кремплоу? Совладельца «Белого медведя?» ... В Италии мои мальчики сядут ему на хвост..., а «Толоса» возьмет курс на известный вам остров» [Штильмарк, 1998, с. 108]. Еще один механизм создания скрытых смыслов – создание *семиотически* неоднородного сообщения. В терминах когнитивистики данный способ может быть определен как сочетание лингвистического и «визуального» типов категоризации, способных выражать единый смысл [McNeil, 1997]. При этом, «визуальная» категоризация выступает в качестве основного фактора, оказывающего влияние на возможность понимания. В рассматриваемом ниже примере, сказанное относится к невербальным действиям говорящего, несущим открытый смысл исключительно для адресного получателя: ‘Quinn led Cramer into the sitting room, sat him down, took a chair opposite and gestured around the room with his hands to indicate it was certainly bugged.’... ‘Let me, as you say in America, level with you, Mr. Quinn. The Metropolitan Police have been granted full primacy in the investigation into this crime. Your government has agreed to that... Quinn nodded. He had worked in bugged rooms before many

times, and spoken on tapped phone lines. It was always an effort to keep conversation normal. He realized Cramer was speaking for the record, hence the pedantry' (Квинн провел Крамера в гостиную, усадил его на стул, и, сев рядом, сделал руками несколько круговых жестов, желая показать, что в комнате установлены подслушивающие устройства... «Позвольте мне, как говорят у вас в Америке, не темнить, а говорить начистоту. Центральному полицейскому департаменту гарантировали преимущественное право в расследовании этого преступления. Американцы ничего против не имеют»). Квинн кивнул головой. У него уже был опыт общения в помещениях с «жучками», а также и по прослушиваемым телефонным линиям. Всегда приходилось прибегать к дополнительным усилиям, чтобы создать видимость «нормального» разговора. Он понял, что Крамер говорит специально на камеру и поэтому старается выглядеть таким педантом» [Forthyth, 1990, p. 147].

Еще один прием связан с намеренным переводом сообщения из устного канала в письменный с целью исключить возможные контакты между говорящим и неадресным (и) получателем (ями). Обычно «вытеснение» сообщаемого из одного канала в другой связывают с явлением так называемой «языковой самообороны», суть которой заключается в «... изобретении способов выражения, имеющих более или менее постоянную форму для тех эмоций, отношений и идей, которые не могут открыто выражаться» [Вежбицкая, 1993, с. 108].

Сказанное может быть проиллюстрировано следующим примером: Инструктируя группу наружного наблюдения, в функцию которой входит обеспечение личной безопасности высокопоставленных персон (PR – Protect and Report) (Обеспечение безопасности и высокая репутация), руководитель озвучивает кодовое имя клиента. В соответствии с правилами конспирации необходимо, чтобы его настоящее имя было известно лишь узкому кругу исполнителей. Допуская, что в помещении может быть установлено прослушивающее устройство, отдающий инструкции переводит сообщаемое из устного канала в письменный, прибегая к еще одному способу сокрытия смысла – недоговоренности:

'Target for tomorrow is His Right Sovereign Highness Big Fatty, otherwise known as ...' Turning to the blackboard, Monty helped himself to a piece of chalk and laboriously scratched up a long Arab name. And the nature of our mission is PR,' he resumed. *'I trust you know what PR is, do you?'* (Завтра вашей целью будет Суверенный Монарх Большой Толстяк, известный под именем... Повернувшись к доске, Монти взял кусок мела и тщательно вывел длинное арабское имя. «Суть нашей миссии, продолжил он, – PR. Я надеюсь, все знают, что такое PR?» [Clancy, 1989, p. 23]. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что говорящие и пишущие владеют достаточно широким репертуаром механизмов устранения из коммуникации незапланированных ее участников, что особенно характерно для ситуаций общения в коммуникативной триаде. Наряду с рассмотренными в данной статье способами, сокрытие смысла сообщаемого реализуется и за счет других способов, таких как: намеренное рассогласование «кода» (стирание связи между означающим и означаемым); двусмысленность местоименной референции; намек; умолчание и пр. [Слуднева, 2014]. Все они служат целям создания информационной недостаточности для неадресного получателя и ориентации понимания лиц, входящих в группу говорящего, и могут рассматриваться как реализация одного из наиболее существенных свойств человеческой коммуникации – ее избирательности.

Библиографический список

1. *Вежбицкая А.* Антитоталитарный язык в Польше // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.
2. *Джонсон-Лэрд Ф.* Процедурная семантика и психология знания // НЗЛ. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 234–257.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
4. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
5. *Масленникова А. А.* Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб, 1998. 35 с.
6. *Мельников-Печерский П.* В лесах. М.: Эксмо, 1998. 278 с.
7. *Слуднева Л. В.* Скрытые смыслы: ориентирование адресного получателя в условиях коммуникативной триады // Вестник Иркутского государственного лингвистического уни-

верситета. 2014. № 2(27). С. 304–310.

8. *Штильмарк Р.* Наследник из Калькутты. М.: Правда, 1991. 768 с.

9. *Carre L.* The Secret Pilgrim. – London: Coronet Books, 2001. 352 p.

10. *Clark H. H., Carlson T. B.* Speech acts and hearer's beliefs // Mutual knowledge. London: Academic Press, 1982. P. 1–37.

11. *Clancy T.* Clear and Present Danger. – Glasgow: Fontana, 1989. 816 p.

12. *Foden G.* Ladysmith. – London: Faber and Faber, 1999. 365 p

13. *Forsyth F.* The Negotiator. – NY: Bantam Books. 1990. 482 p.

14. *McNeil D.* Growth points cross-linguistically in Language: University of Chicago. 1993. P. 90–212.

References

1. *Vierzicka A.A.* The Antitotalitarian Language in Poland // Problems of Linguistics 1993. № 4. P. 107-125.

2. *Johnson-Laird P.* Procedural Semantics and Psychology of Knowledge // NZL. V. XXIII. Cognitive Aspects of Language . М., 1988. P. 234-257. (in Russian)

3. *Karaulov Y.N.* The Russian Language and Language Personality. М.: Nauka, 1987. 264 p (in Russian)

4. *Krasnykh V.V.* “Svoy” sredi “Tchuzikh”: myth or reality? М.: ITDK ‘Gnosis’, 2003. 375 p. (in Russian)

5. *Maslennikova A.A.* Implicit Meanings and their Linguistic Interpretation: Synopsis of Doctorate Thesis. Saint Petersburg, 1998. 35 p (in Russian)

6. *Melnikov-Pechersky A.A.* In the Woods. М.: EKSMO, 1998. 278 p (in Russian)

7. *Stilmark R. M.* The Heir from Calcutta: Pravda, 1991. 768 p (in Russian)

8. *Sludneva L.V.* Implicit Meanings: Addressee Orientation in a Communicative Triade : Vestnik IGLU. 2014. № 2(27). P. 304-310 (in Russian)

9. *Carre L.* The Secret Pilgrim. London: Coronet Books. 2001. 352 p (in English)

10. *Clancy T.* Clear and Present Danger. Glasgow: Fontana, 1989. 816 p (in English)

11. *Clark H. H., Carlson T. B.* Speech acts and hearer's beliefs // Mutual knowledge. London: Academic Press, 1982. P. 1–37 (in English)

12. *Foden G.* Ladysmith. London: Faber and Faber, 1999. 365 p (in English)

13. *Forsyth F.* The Negotiator. NY: Bantam Books. 1990. 482 p (in English)

14. *McNeil D.* Growth points cross-linguistically in Language: University of Chicago. 1993. P. 90-212 (in English)